

Иероним Ясинский

Дети

Иероним Ясинский

Дети

«Public Domain»

1880

Ясинский И. И.

Дети / И. И. Ясинский — «Public Domain», 1880

«Белокурая девочка пила чай у открытого окна. Она спешила и шумно глотала горячую жидкость. Косые лучи солнца золотили низенькие ворота, трава зеленела на большом дворе, мягко дул тёплый ветер...»

© Ясинский И. И., 1880

© Public Domain, 1880

Иероним Ясинский

Дети

I

Белокурая девочка пила чай у открытого окна. Она спешила и шумно глотала горячую жидкость.

Косые лучи солнца золотили низенькие ворота, трава зеленела на большом дворе, мягко дул тёплый ветер.

– Сегодня, Настенька, намерена ты что-нибудь делать? – спросила девочку старушка, сидевшая в кожаном кресле, за овальным столом, где блестел самовар.

Настенька с неудовольствием поставила стакан на подоконник.

– Ах, бабушка, – сказала она, наморщив лоб, – какие вы, право!.. Неужели я ничего не делаю? Поверьте, бабушка, что вчерашние уроки я вам сдам вместе с сегодняшними. Но, кажется, нужно же напиток чаю.

Она допила стакан и, отказавшись от молока, поцеловала бабушку и ушла в свою комнату.

Бабушка вздохнула, посмотрела на часы, медленно тикавшие на шкафике, и, надевши серебряные очки, стала перечитывать письмо, которое получила ранним утром, когда Настенька ещё спала.

II

С тоской взглянув на французскую грамматику и катехизис, Настенька прислушалась, не идёт ли бабушка, и осторожно открыла старенький сундучок. Она достала оттуда истрёпанный томик, легла ничком на кровать, опершись на локти, и глаза её жадно впились в страницы.

Ей шёл четырнадцатый год. Румянец никогда не потухал на её полненьких щеках, и углы её алого рта были слегка опущены, а середина верхней губки вздута, что придавало девочке вид капризного ребёнка. Ресницы густо обрамляли её глаза, синие как васильки. Плечи исчезали в потоке бледно-золотых волос, таких волнистых, что обыкновенный гребень был бессилён в борьбе с ними и часто ломался. Ситцевая блуза плотно охватывала пухлую шею с голубыми жилками и едва прикрывала собою крепкие икры девочки, щеголявшей в больших бабушкиных чулках.

Читала Настенька часа три кряду. Она только иногда переменила позу, ложась то на правый бок, то на левый. Ладони её горели, сердце напряжённо билось, страх, горе, радость, смех поочерёдно сменяли друг друга. Наконец, она дочитала и закрыла книгу. Тут бабушка позвала её обедать.

– Бабушка, – извинялась она, аппетитно поглядывая на тарелку с дымящимся супом, – я, право... Согласитесь сами... Такие огромные уроки! Вечером непременно!

III

После обеда бабушка легла спать, а на дворе появились две босоногие девочки.

Одной было лет девять, другой – двенадцать. Рукава их сорочек чуть белелись, грязные-прегрязные, синие запаски стягивали их маленькие бёдра, на шее блестели красные бусы.

Девочки делали Настеньке таинственные знаки. Язык этот был ей понятен – она выбежала к ним и повела их в сад.

Смородинная аллея тянулась там, душистая, дремля на солнце, бабочки кружились в воздухе, было тихо.

Аллея скоро кончилась, и Настенька осторожно ступала меж широких гряд, где зеленели листья клубники. Девочки шли за ней робко оглядываясь.

– Ну! – скомандовала Настенька шёпотом.

Они стали на колени и вытянули вперёд наклонённые туловища. Карие глазки их сузились, загорелые руки стали двигаться с судорожной быстротой. Настенька, со счастливым и лукавым выражением лица, прислушивалась к сладострастному чавканью их маленьких ртов, следила, как исчезают румяные ягоды в этих алчно раскрывающихся ямках, с мелкими зубками... и сама ела клубнику.

Потом девочки пересекали вместе с Настенькой баштан, перелезали через плетень, меж двух высоких тополей, перебежали кочковатое поле и на берегу маленького озера, называвшегося Ворона, раздевались.

В нём точно в жидком зеркале отражались облака. Бледная ива одиноко стояла на том берегу. Даль исчезала в солнечном сиянии. За тёмной полоской леса горел крест колокольни. Худенькие крачки хрипло стонали вверху, рея на своих больших белых крыльях и кидая на оранжевый песок мягкие бегущие тени.

Бронзовые тела девочек барахтались в воде. Настенька громко кричала, назначая пункты, до куда плыть. Тогда все, с разбега, бросались в озеро и, пыхтя и фыркая, плыли как лягушки, учащённо мотая направо и налево намокшими головками...

IV

Вечер.

Настенька, усталая и сонная, чувствуя песок в башмаках, сидела на крылечке, возле бабушки. Поодаль стоял мужик, понурился головой и держа обеими руками, сближенными ниже пояса, широкополую шляпу. Собака, положив на землю узкую морду, подозрительно следила за ним, сверкая белками тёмных глаз.

– Так как же, барыня?.. – говорил мужик с медлительной расстановкою малоросса. – Не будет того?

– Не будет! – решительно отвечала старуха.

– Может, ещё и девчат прислать!?. Огороды попололи бы...

– Не нужно.

– Погода добрая, сухая... В самый раз... Отдали б! Которую неделю прошу.

– Не приставай, Остап. Сказано, как у людей, так и у меня... Не то, пусть оно лучше сгниёт...

Ладонь широкой руки Остапа легла на его затылок. Наступило молчание. Бабушка сердито шевелила губами и смотрела в сторону.

– И упрямые ж вы, барыня! – произнёс, наконец, Остап. – Ну, нехай по вашему!

Он махнул рукой.

Было решено, что он доставит две трети сена с Чёрного Луга, под непосредственным наблюдением Настеньки, на господский сеновал.

– Прощайте!

Мужик надел шляпу и пошёл к воротам. Собака с хриплым лаем прыгала возле него, опускаясь на передние лапы, когда он останавливался, чтоб отмахнуться палкой.

V

За ужином бабушка сказала:

– А знаешь что, Настенька? Я письмо от папаши получила. Пишет, тебя в пансион пора отдать... Спрашивает, как учење... Обещает приехать... Будет беда, Настенька! Ты уроков не учишь и не учишь... Он ведь строгий...

Настенька стала внимательно рассматривать свои ногти.

– Помнишь, что было в прошлом году? Конечно, Господь с тобою... Ты уж не маленькая... Сама можешь сообразить... Я напишу, что учишься хорошо... Но всё-таки предупреждаю... Пожалуйста, Настенька!! Не осрами меня! Не сделай лгуньей!.. Слышишь?

Настенька подошла к бабушке, чтоб крепко поцеловать её. Пряди белых старушечьих волос, выбившиеся из-под чепчика, скрылись в потоке упавших на них кудрей девочки.

– Бабушка, – шептала Настенька, – я теперь спать хочу, но даю вам слово, даю вам честное слово...

VI

В одно июльское утро Настенька проснулась раньше обыкновенного. Восток пылал, и на алом фоне зари чернела сухая ветка яблони. В форточку врывалась холодная струя садового аромата.

Настенька увидела над собою рябое лицо высокой Марины, в порыжелой корсетке, платке, обмотанном вокруг головы, и с ожерельем из разноцветных бус на пышной груди.

– Ну-те, вставайте, Настенька, пора! Иван уже запрягает.

– Сейчас.

Девочка оделась и умылась.

– Бабушка спит?

– Ходили, да снова легли.

Марина взяла узелок со вчерашним цыплёнком, булкой и несколькими яйцами, завернутыми в бумагу заботливой рукой бабушки, и пошла вперёд, легко ступая босыми ногами, мелькавшими под белым подолом рубахи, спущенным ниже клетчатой плахты.

Настенька села вместе с Мариной в телегу.

Иван, белокурый парень, с серебряной серьгой в коричневом ухе, лениво посмотрел на Марину и произнёс, сжав губы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.